

Система глаголов движения вниз в шугнанском языке

Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва;
rakhilina@gmail.com

Ш. С. Некушоева

Институт гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан,
г. Хорог (Таджикистан); nekushoeva@bk.ru

Аннотация. Статья описывает систему глаголов падения в одном из памирских языков (малых восточно-иранских) — шугнанском. Она опирается как на первичные данные, специально собранные для этой статьи, так и на данные словаря Д. Карамшоева [1988], проверенные во время полевых исследований.

Показано, что в шугнанском действует доминантный глагол *wəxtow*, который в целом покрывает основные ситуации падения. Параллельно в этом языке имеется несколько «малых» глаголов, для описания резкого обрушения (*čuk dēdow*), особой траектории падения (фразовый глагол *ole sittow* ‘падать кубарем’) и нарушения целостности (*nixiχtow* ‘разваливаться’). В качестве глаголов падения в шугнанском функционируют и глаголы других, семантически близких, полей — поля вращения (*gāχtow* ‘поворачиваться’), поля прыгания (*zibidow* ‘прыгать’) и поля удара (*dēdow* ‘ударять, стучать’). Типологически материал шугнанского ценен тем, что позволяет выявить прототипические фреймы, обеспечивающие семантическое пересечение выделенных глаголов с полем падения. Для вращения это падающие деревья, для прыгания — открепление функционально связанных друг с другом объектов и частей от целых, для удара — падение с акцентом на результат (в первую очередь, падение человека с указанием части тела, приходящей в контакт с твердой поверхностью).

Ключевые слова: лексическая типология, метафора, метонимия, падение, памирские языки, топология предметов, шугнанский язык.

Falling verbs in Shughni

E. V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow; rakhilina@gmail.com

Sh. S. Nekushoeva

Institute of Humanities, National Academy of Sciences of Tajikistan,
Khorugh (Tajikistan); nekushoeva@bk.ru

Abstract. The article deals with the system of falling verbs in Shughni, which is one of the Pamir languages of the Southeastern Iranian group. It presents the original data collected from native speakers and the data from Karamshoev's dictionary [1988], checked during our field work.

The paper argues that the Shughni system of falling verbs, though not dominant in the proper sense of the term, has a central specialized verb *wéxtow* covering the main situations of falling: falling from an elevated surface (a cup from the table), falling of a person, falling of a vertically oriented artifacts like road poles, etc.

There are also several "minor" verbs of falling: for falling with non-vertical trajectory (etymologically opaque phrasal verb *ole sittow*), for collapsing (*čuk đédow*) or falling accompanied with disintegration, like falling into pieces / fragments or falling of a pipe / heap of objects (*nixiřtow*). In addition, there are non-falling verbs which are used for lexification of some important falling frames. For example, the verb of rotation *gāřtow* with the meaning 'turn' is used for trees falling because of the strong wind; the verb of upward motion *zibidow* 'jump' is used to denote different situations of detachment of one object from another including parts from wholes, like a damaged wheel being detached from the car during the trip. The causative verb of destruction *đédow* 'hit' (which by default denotes aggressive physical effect of one person to another), when applied to falling situations, means falling of an object from above with the clear accent on the result.

The Shughni system reveals the main oppositions relevant for falling verbs cross-linguistically.

However, this system is quite abnormal, because apart of the central verb *wéxtow* it does not have dedicated verbs of falling (with some very marginal exceptions): all the other markers are borrowed from other semantic fields.

It means that Shughni data may serve as an important source for lexical typology illuminating the points of intersection of FALLING with other semantic domains.

Keywords: falling, lexical typology, metaphor, metonymy, Pamir languages, Shughni, topological features

1. Введение

Шугнанский язык является одним из самых крупных языков памирской группы. Он относится к восточно-иранской группе иранских языков. Шугнанцы (численностью около 90 тыс.) живут в основном в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (административный центр — город Хорог, примерно в пятистах километрах от Душанбе, у слияния рек Пяндж и Гунд), в Шугнанском и Рошткалинском районах. Есть шугнанцы и в Бадахшанской провинции Афганистана, на другой стороне Пянджа, но наши данные собраны на таджикской территории.

Основные описания шугнанского изданы во второй половине прошлого века. Это, прежде всего, небольшое собрание текстов со словарем [Зарубин 1960], а также замечательный словарь [Карамшоев 1988], который во многом служил для нас точкой отсчета.

Из грамматических особенностей шугнанского, важных при чтении нашей статьи, отметим, что в шугнанском (как и в других индо-иранских языках) предикатные значения в основном выражаются так называемыми составными глаголами. Однако поскольку статья касается самой базовой лексики, здесь нам в основном встретятся как раз простые глаголы. Им свойственна нетривиальная глагольная морфология, характерная для шугнанского, и прежде всего, многоосновность. Сложные для анализа фрагменты мы старались снабжать необходимыми морфологическими комментариями помимо глосс.

История нашего описания падения в шугнанском довольно парадоксальна — и в определенном отношении показательна. Дело в том, что языковой материал собирался в два этапа: сначала в Москве с квалифицированным носителем, а затем в условиях совместной Памирской экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и Института памирских языков. При этом наши первоначальные, московские данные свидетельствовали о том, что в шугнанском действует *доминантная* система глаголов падения. Другими словами, эти данные говорили о том, что там есть очень общий (то есть доминирующий) глагол *wəx-ɣow* (с основой настоящего времени *wəx* и прошедшего времени *wəx̣t*), который соотносится с самыми разными типами падения, покрывая и падение человека, и камня в реку, и моста, провалившегося под тяжестью машины, и веревки, соскочившей с гвоздя, и выпавших зубов, и проч.

Интересно то, что все полученные в ходе этой работы примеры при последующей проверке экспертами полностью подтвердились — однако их интерпретация изменилась: со сбором новых данных, наше исходное представление о шугнанской системе падения подверглось существенной коррекции. Обнаружилось, что на самом деле в зоне падения в шугнанском языке действует дистрибутивная, а не доминантная система, со сложным распределением всего пространства поля между как минимум 6-ю предикатами, специфику паденческого значения каждого из которых мы будем подробно обсуждать в этой статье, а именно: *wəxtow*, *gāxtow*, *nixixtow*, *zibidow*, *ḍədow*, а также фразеологизованной конструкцией *ole sittow* — если не считать глаголов движения жидкости, которые мы здесь рассмотреть не сможем ввиду объема имеющегося материала¹.

В этой системе работают следующие типологически релевантные противопоставления, которые мы подробно рассмотрим в соответствующих разделах статьи:

- по топологии падающего объекта (*Раздел 2*);
- по топологии (траектории) самого падения, включая так называемое «рефлексивное» падение (*Раздел 3*);
- по значимости начальной / конечной точки (*Раздел 4*).

В *Разделе 5* мы подведем итоги анализа этого материала.

2. Топология падающего субъекта: *wəxtow* и *gāxtow*

Как обычно, по этому геометрическому параметру противопоставлены два типа ситуаций: падение с приподнятой поверхности, для которого не важна форма и ориентация объекта (см. 1.1), и падение жесткого вертикально ориентированного объекта, в результате которого этот объект оказывается на той же плоскости, но в горизонтальном положении (см. 1.2).

¹ Заметим, что все это глаголы моментальные, практически всегда они употребляются в перфективных контекстах, соответственно, в формах прошедшего времени: *wəxt*, *gāxt*, *nixixt m* / *nixaxt f*, *zibud m* / *zibad f*, *ḍod*, *ole sut m* / *ole sāt f*.

2.1. *Wêxtow*: падение сверху, сопутствующие значения и метафорика

Падение с приподнятой поверхности обозначается частотным шугнанским глаголом *wêxtow*, который сочетается с предлогом *az* с широким аблативным значением ‘с / из / сверху’:

- (1) *qalam az mi sumka-nd wêxt*²
 карандаш ELAT 1SG:OBL сумка-LOC упасть:PST
 ‘Из моей сумки выпал карандаш’.
- (2) *žiniž az dištd-ti wêxt*
 снег ELAT крыша-SUP:ES упасть:PST
 ‘Снег упал с крыши’.
- (3) *žīr az tīr-ti wêxt*
 камень ELAT верх-SUP:ES упасть:PST
 ‘Сверху упал камень’.
- (4) *widičbuc az xu rēz-and wêxt*
 птенец ELAT REFL гнездо-LOC упасть:PST
 ‘Птенец выпал из своего гнезда’.
- (5) *yu kūdak az stul-ti wêxt*
 DEM:DIST:M:SG ребенок ELAT стул-SUP:ES упасть:PST
 ‘Ребенок упал со стула’.

Как мы уже говорили, помимо падения с поверхности, этим глаголом может описываться падение человека (6), но также и обвал ветхого моста, падение самолета, птицы из гнезда, ключа из кармана, человека с балкона, машины, мяча, шляпы, веревки, соскочившей с гвоздика, и мн. др. (подробнее см. в следующих разделах).

- (6) *žinik xu pođ-i pi žīr-and jukt*
 женщина REFL нога-1SG SUP камень-LOC споткнуться:PST
xu wêxt
 и упасть:PST
 ‘Женщина споткнулась о камень и упала’.

² В основном наши примеры собраны во время полевой работы; в словарных примерах указывается источник.

Глагол *wêxtow*, по [Карамшоев 1988, т. 1: 360–361], имеет довольно широкий круг метафорических значений. Часть из них может быть описана как обычная метафора, то есть переход из семантической зоны физического движения к абстрактному, ср. ‘лишиться должности’ (8) или ‘выпасть’ как ‘родиться’ (9):

- (7) *balo az osmûn ca woĭ-t bardox*
 беда ELAT небо если упасть:NPST-3SG терпение
ĉî-dow darkor
 делать-INF нужно

‘Если случится беда, нужно смириться’.

- (8) *yu az xu amal wêxt*
 DEM:DIST:M:SG ELAT REFL должность упасть:PST

‘Он лишился своего чина’, букв.: ‘выпал из’ [Карамшоев 1988, т. 1: 84]

- (9) *šîgbuč bexilewand- aθ az xu nân wêxt*
 теленок неожиданно-ADV ELAT REFL мама упасть:PST

‘Теленок родился сразу’³.

Другие можно рассматривать как результат частичной грамматикализации, то есть превращения *wêxtow* в легкий глагол со значением ‘попадать в ситуацию P / оказываться в P’, вызванного идеей спонтанности и неконтролируемости, свойственной падению:

- (10) *dis gandā waziyat-and=um wêxt*
 такой плохой положение-LOC=1SG упасть:PST

‘Я попал в тяжелое положение’.

Эти сдвиги глаголов с семантикой падения широко распространены в языках мира (см. настоящий сборник). Вместе с тем шугнанский дает любопытные дополнения к общему стандарту. Действительно, как и в других языках, шугнанское *wêxtow*, имеющее довольно общую семантику, используется для выражения потери функциональности, ср. аналогичные шугнанским русские примеры типа *трон /*

³ Для примеров со значением ‘родиться’ возможна и другая трактовка: не исключено, что глагол *wêxtow* в таких случаях используется в качестве табу. Например, кто-то из домочадцев входит в дом с известием о рождении теленка — но для того чтобы потусторонние силы не услышали и не навредили только что родившему теленку, используется глагол *wêxtow*, как если бы теленок упал и умер.

власть пал/а (= ‘перестала функционировать’). Особенность шугнанского в том, что идея потери функциональности конкретных артефактов (а не только абстрактных сущностей), по крайней мере в некоторых фразеологизмах (возможно, отражающих некоторое предшествующее состояние его лексической системы), тоже может выражаться через апелляцию к идее падения. Ср. [Карамшоев 1988, т. 2: 531] и [Карамшоев 1988, т. 1: 360].

- (11) *mu rūšt kurtā wēx-č, ā yu*
 1SG:OBL красный платье упасть-PF а DEM:DIST:M:SG
sāvz γal naw-aθ
 зеленый еще новый-ADV

‘Мое красное платье износилось, а то зеленое еще совсем новое’.

- (12) *yūdirđ ačaθ sandāl nist, fukaθ=en wēx-č*
 здесь совсем старая обувь NEG все=3PL упасть-PF

‘Здесь нет даже никаких потрепанных сапог, все порвались’.

Пример (13) представляет контекст другого рода, где *wēxtow* применен к части тела и имеет уникальное значение ‘мерзнуть, стыть’ с неясной историей, однако оно тоже может быть проинтерпретировано как выражение потери функциональности:

- (13) *tar dargo dis šito, mu đust-en=en tar wēxt*
 EQ двор так холодно 1SG:OBL рука-PL=3PL EQ упасть:PST
 ‘На улице так холодно, мои руки замерзли’. (= букв. ‘мои руки упали’)

Примечание

В связи с только что сказанным обратим внимание на любопытную фразу *wēxč-pitêwĵ odam*, не отмеченную у Карамшоева: так говорят о неуклюжем, никчемном человеке. По структуре это конструкция повтора — два глагола близкой семантики идут подряд в одной и той же форме: *wēxč* — перфектная форма глагола *wēxtow* ‘падать’, а *pitêwĵ* — перфект от *pitêwdow* — ‘бросать’, ‘кидать’.

Карамшоев приводит примеры такой последовательности, но в глагольном контексте, где она приобретает значение ‘брошенный, брошенный’: *yu wēxč-pitêwĵ red* — он остался без присмотра (то есть ‘брошенный, безнадзорный, оставленный всеми’ [Карамшоев 1988, т. 1: 335]). См. там же в значении ‘брошенный’:

- (14) *wam* *pus wēḫ-č* *pitēw-ǰ* *vud=at*,
 DEM:DIST:F:SG:OBL сын упасть-PF бросать-PF быть:PST:M=и
šič *yulā* *sut*
 теперь большой стать:PST:M

‘Ее сын был безнадзорным, да вырос теперь’.

Значения ‘никчемный / неуклюжий’ данная фраза в глагольных контекстах не имеет, но по-видимому, приобретает его в именных — и не исключено, что в этом случае такой метафорический эффект тоже связан с идеей потери функциональности.

- (14') *yi wēḫ-č* *pitēw-ǰ* *odam* *yu* *vud*
 один упасть-PF бросать-PF человек DEM:DIST:M:SG быть:PST:M
 ‘Он был таким неуклюжим человеком’.

Именно широкая сочетаемость *wēḫtow* и создает иллюзию существования на его основе доминантной системы. Однако, как мы увидим дальше, в шугнанском есть и другие возможности выразить идею падения.

2.2. Падение вертикальных объектов

Одна из таких возможностей связана с ситуацией падения вертикального вытянутого предмета, которую в шугнанском часто выражает глагол *gāḫtow*. Именно он и только он применяется для описания деревьев, вывернутых из земли сильным ветром, или столбов — при похожих обстоятельствах. Применительно к этим ситуациям *wēḫtow* малоприемлем:

- (15) *xaḫ* *ḫūz* *sut* *xu* *yā* *diraxt*
 твердый ветер стать:PST:M и DEM:DIST:F:SG дерево
gāḫt / **wēḫt*
 упасть:PST

‘От сильного ветра то дерево упало’.

В случае срубленных / сломанных деревьев / столбов возможна вариативность в ответах носителей языка, связанная с архаизацией глагола *gāḫtow*. Старшее поколение для описания падения дерева обязательно использует глагол *gāḫtow*, однако молодое поколение употребляет глагол *wēḫtow*. При этом соответствующая каузативная

ситуация выражается глаголом, производным именно от *gāxtow* : *gardəntow*:

(16) *stolba ar pūnd wēxǎ / gāxǎ*

столб SUB дорога упасть:PST

‘Столб упал на дорогу’.

(17) *wuz=um dam daraxt tavar qati*
1SG:NOM=1SG DEM:ADDR:F:SG:OBL дерево топор INSTR

gardənt

оборачивать:PST

‘Я срубил это дерево’.

Заметим, что сам класс прототипически вертикальных объектов, которые выделяются особой глагольной лексемой в ситуации падения, в шугнанском не совсем обычен. В частности, падение людей описывается не этим выделенным глаголом, а исключительно общим глаголом *wēxtow*, см. выше пример (6)⁴. Это удивительно, потому что было бы естественно полагать, что соответствующий топологический тип объектов формируется как антропоцентричный, и все предметы, которые в него попадают (как деревья или столбы), лишь уподобляются человеческим существам. Шугнанский материал показывает, что это предположение далеко не всегда верно.

Падение крупных артефактов, имеющих вертикальную ориентацию (ср. *дом* или *шкаф*), допускает вариативность в выборе глагола, но здесь некоторые эксперты разрешают глагол *gāxtow*⁵.

(18) *xaǎ zamin-žūnbi sut xu māš čid gāxǎ*

твёрдый землетрясение стать:PST:M и 1PL дом упасть:PST

‘Наш дом рухнул / упал от сильного землетрясения’.

Еще один характерный для *gāxtow* тип употреблений в зоне падения артефактов — это вертикальные контейнеры с содержимым, как например, ведро с водой, см. пример (19). Заметим, что и в русском этот тип артефактов лексически выделен: в частности, к ним применяется

⁴ К ситуации падения других вертикальных природных объектов, таких как цветы или высокая трава, *gāxtow* тоже не применяется — чего, впрочем, вполне можно ожидать: топология их падения несколько другая: это нежесткие объекты, хотя и вертикальные.

⁵ О других лексических маркерах падения для дома / стены и под. — см. ниже.

особый предикат *опрокинуться*, совмещающий этот тип падения только с падением людей навзничь.

- (19) *ħac gāħt ċalak qati*⁶
 вода упасть:PST ведро СОМІТ

‘Ведро с водой опрокинулось’. [Карамшоев 1988, т. 1: 387]

В отличие от русского, где пустой контейнер может в отношении глаголов падения вести себя точно так же, как и полный, в шугнанском падение пустого контейнера описывает исключительно общим глаголом *wēħtow*. Точно так же падение человека навзничь (например, сидящего на стуле), которое в русском объединено с контейнерами, глагол *gāħtow* тоже не покрывает: человек вообще исключен из зоны действия *gāħtow*.

Однако падение самого стула назад, на спинку, выражается именно с помощью *gāħtow*: *wēħtow*, как мы и ожидаем, соответствует его падению в любую другую сторону. Формально такое распределение вполне мотивировано: ведь только со спинкой стул нам «виден» как вертикальный объект, но в целом избирательность сочетаемости *gāħtow* удивляет. Однако объяснение такому распределению легко найти, если учесть, что по своему исходному значению (см. [Карамшоев 1988, т. 1: 387]) *gāħtow* — это **доминантный глагол вращения объекта**, который применим к вращению и вокруг своей, и вокруг внешней оси, и в том числе, по свидетельству автора словаря, описывает множественные обороты. Правда, в качестве подтверждения последнему, [Карамшоев 1988, *ibid.*] приводит только один пример:

- (20) *lāk yid xidorž žīr gārō-d =at*
 пусть DEM:ADDR:SG мельница камень крутиться:NPST-3SG=и
wuz=tā di xidorž ilat wizūn=um
 я=FUT DEM:ADDR.M:SG:OBL мельница секрет знать=1SG

‘Пусть жернов мельницы вращается, и я определю дефект мельницы’.

⁶ Ср. другой вариант того же предложения с глаголом *tis sittow* ‘литься’: *yā ħac ċalak qati tis sat* (вода литься:PST ведро СОМІТ). Контекст опрокинутого сосуда достаточно частотный, а варианты с *tis sittow* и *gāħtow* практически синонимичны: фактически глагол *gāħtow* в этих контекстах имплицативно получает семантику ‘проливаться’. Именно поэтому в [Карамшоев 1988] для него отмечается и это значение тоже, хотя строго говоря, это не так.

Носители современного шугнанского такого рода употребления не признают: они считают, что у *gāxtow* есть только значение одиночного неполного оборота, поворота в сторону или переворота, ср. также более идиоматичные конструкции, как ‘подвернул ногу’, ‘переправился на другую сторону реки’ и др. под.⁷:

(21) *yā divūsk pāli gāxt*
 DEM:DIST:F:SG змея сторона повернуться:PST
 ‘Змея повернула в другую сторону’.

(22) *wēḍ nixaḥ-t xu, yā ḥac ar*
 арык разрушиться-PST и DEM:DIST:F:SG вода SUB
wi taraf gāxt
 DEM:DIST:M:SG:OBL сторона повернуться:PST
 ‘Арык разрушился, и вода изменила направление’.

(23) *tu poḍ gāxt*
 1SG:OBL нога повернуться:PST
 ‘У меня нога подвернулась / Я подвернул ногу’.

(24) *yu=yi yakbor-āḡ gāz žaqt xi*
 DEM:DIST:M:SG=3SG сразу-ADV газ давить:PST и
wi mošin gāx-t
 DEM:DIST:M:SG:OBL машина повернуться:PST
 ‘Он сразу нажал на газ, и его машина перевернулась’⁸.

В качестве (доминантного) глагола **вращения с множественными оборотами** — и вокруг самого объекта, и вокруг внешнего ориентира — в современном шугнанском используется глагол *nēḡdow* :

⁷ Возможно, это исходно отыменной глагол, восходящий к семантике круга, ср. *garḍā* ‘лепешка’ (только круглая), *garḍow* ‘водоворот’.

⁸ Ср. нетривиальный метафорический сдвиг значения этого глагола в зону боли и неприятных физиологических ощущений в примерах типа: *tu zorḍ pāli gāxt* (1SG:OBL сердце сторона повернуться:PST): ‘мое сердце перевернулось’ — о недомогании в области сердца или общем недомогании. (Здесь возможен и дальнейший семантический сдвиг в зону эмоций: то же предложение может пониматься в значении ‘почувствовать что-то’, ср. аналогичную полисемию между болью и эмоцией в русском для контекстов, подобных *сердце щемит*). Заметим, что обычно (см. подробнее [Reznikova et al. 2012]) глаголы вращения описывают физиологические ощущения в области живота или головы, как в примере (25) с глаголом *nēḡdow*.

- (25) *tu kāl noŷ-d*
 1SG:OBL голова кружиться:NPST-3SG
 ‘У меня кружится голова’⁹.

С точки зрения типологии исторических изменений, приобретение доминантным глаголом вращения значения падения очень интересно в свете его дальнейшего метафорического развития. Дело в том, что именно глагол *gāxtow*, совмещающий значение поворота и падения вертикальных объектов (то есть их ПЕРЕворота по вертикальной оси), дает в шугнанском языке **метафору превращения**. Иллюстрацией этому служат, в частности, примеры из [Карамшоев 1988], касающиеся приобретения объектом новых свойств, как (29)¹⁰.

По нашим данным, в языках такая метафора встречается, причем она свойственна, с одной стороны, глаголам падения вертикальных объектов (как в коми, см. [Кашкин 2017: 93]), а с другой — глаголам вращения (ср. англ. *turn into*, рус. [*пре*] *вращаться* и мн. др). В шугнанском

⁹ Ср. здесь характерные для исходной семантики множественных оборотов переносные значения, отмеченные в [Круглякова 2010], сохраняющие идею множественного движения, свойственные *nēŷdow*:

- (26) *ḡār-ard to qišloq-ard=um nēŷd*
 город-LOC LIM кишлак-LOC=1SG кружиться:PST
 ‘По городу, по кишлаку я гулял (бродил)’.
- (27) *čt̄z mu kinorā noŷ-i?*
 что 1SG:OBL вокруг кружиться:NPST-2SG
 ‘Что ты вертишься вокруг меня?’
- (28) *yu pis wam-aθ noŷ-d*
 DEM:DIST:M:SG GOAL DEM:DIST:F:SG:OBL-ADV кружиться:NPST-3SG
 ‘Он с ней встречается’. (все примеры из Карамшоев 1988, т. 2: 333–334)

Ср. также производное *noŷiŷ* ‘непоседливый, любящий бродить’):

- (29) *yā dis noŷiŷ odam*
 DEM:DIST:F:SG так непоседливый человек
 ‘Она <очень> любит гулять / непоседа’. [Карамшоев 1988, т. 2: 334]

¹⁰ Ср. также в дополнение к ним пример (30), в котором шугнанский глагол каузации вращения *gardentow* описывает превращение одного объекта в другой:

- (30) *bad=i 9ew xu divusk gardent xu hoŷiḡ=i*
 потом=3SG черт REFL змея по-/перевернуть:PST и просьба=3SG
čud wam viro žiriḡ-tow
 делать:PST DEM:DIST:F:SG:OBL брат кусать-INF
 ‘Потом черт превратился в змею и хотел укусить ее брата’.

этот метафорический сдвиг соединяет оба перехода, поскольку глагол *gāxtow* сам совмещает семантику падения и поворота / переворота. Его результирующее значение более специфицировано: метафорически, он покрывает большинство наблюдаемых **естественных** изменений — прежде всего, касающихся цвета и света:

(31) *māš=ām ar mam dūsga zavarka čūd*
 1PL=1PL SUB DEM:F:SG:OBL немного заварка делать:PST

xu wam čoy rāng gāxǎ
 и DEM:DIST:F:SG:OBL чай цвет по-/перевернуться:PST

‘Мы добавили сюда немного заварки, и цвет чая изменился’.

(32) *wi rang gāxǎ*
 DEM:DIST:M:SG:OBL цвет по-/перевернуться:PST

‘У него цвет (лица) изменился (например, если человеку плохо или если луна осветила его лицо)’.

(33) *di gāp ǎi-dow qati*
 DEM:ADDR:M:SG:OBL слово слышаться-INF COMIT

yu gilgūn gāxǎ
 DEM:DIST:M:SG розовый по-/перевернуться:PST

‘Услышав такую речь, он покраснел (от стыда или от злости)’.

(34) *yu lap xaǎ kasal sut*
 DEM:DIST:M:SG очень твердый больной стать:PST:M

xu wi rāng gāxǎ
 и DEM:DIST:M:SG:OBL цвет по-/перевернуться:PST

‘Он тяжело болен, и у него изменился цвет лица’.

Метонимически по-шугнански можно сказать и *surat gāxǎ*, с опущением признака: ‘Лицо (у него) изменилось’ (букв.: лицо повернулось:PST) — но тоже только если лицо изменилось **самопроизвольно**, а не потому что кто-то приложил к этому усилия: покрасил волосы, отрастил усы и проч. Никакие искусственные, целенаправленные зрительные изменения объекта не покрываются этим метафорическим значением *gāxtow*¹¹. Хорошим примером естественных изменений может быть старение: оно наблюдаемо (появляется седина, морщины,

¹¹ В связи со всем сказанным, заметим, что в шугнанском глагол с семантикой бросания (= каузации падения) метафорически может выражать притворство (то есть осознанное, контролируемое превращение).

меняется цвет лица и проч.) — и как раз для ситуаций такого рода глагол *gāẓtow* хорошо применим:

- (35) *yu dis pīr mis gāẓ-č*
 DEM:DIST:M:SG так старый тоже по-/перевернуться-PF
 ‘Он тоже очень постарел’.

или:

- (36) *yu lap xaẓ kasal sut xu qoqi-zor*
 DEM:DIST:M:SG очень твердый большой стать:PST:M и худой
gāẓt
 по-/перевернуться:PST
 ‘Он сильно заболел и очень сильно похудел’.

Что касается других, не-зрительных каналов восприятия изменений объекта, то, в принципе, изменение вкуса тоже может обозначаться этим глаголом, но значительно реже, а смену запаха или тактильных ощущений *gāẓtow*, видимо, не описывает:

- (37) *di awqot mazzā gāẓt*
 DEM:ADDR:M:SG:OBL еда вкус по-/перевернуться:PST
 ‘У этого блюда изменился вкус’.

Такого рода метафоры возможны в более абстрактных семантических зонах, с абстрактными же субъектами:

- (38) *waziyat wazmin gāẓt*
 ситуация тяжелый по-/перевернуться:PST
 ‘Ситуация ухудшилась’.

Ср. здесь характерные метафорические употребления *gāẓtow* в контексте ситуации изменения мнения / отношения / настроения. Допустимость таких контекстов подтверждает и [Карамшоев 1988 т. 1: 387] (39); ср. также (40)–(41):

- (39) *yu yakumaθ māš qati rawūn*
 DEM:DIST:M:SG сначала 1SG:OBL COM отправляющийся
vud xu bād wi fikri
 быть:PST.M и после DEM:DIST:M:SG:OBL мнение
gāẓt
 по-/перевернуться:PST
 ‘Сначала он собирался поехать с нами, но потом передумал’.

- (40) *wew munosibat wazmin gāxt*
 DEM:DIST:PL:OBL отношение тяжелый по-/перевернуться:PST
 ‘Их отношения ухудшились’.
- (41) *wam mūnix gāxt*
 DEM:DIST:F:SG:OBL настроение по-/перевернуться:PST
 ‘У нее настроение испортилось (переменилось)’. = ‘Она обиделась’.

3. Геометрия движения вниз и рефлексивное падение

3.1. Вращение в процессе движения

Особая траектория падения может быть связана с резким началом и произвольным вращением субъекта в процессе движения, ср. рус. *свалиться кубарем*. Обычно такое падение происходит в контакте с поверхностью, поэтому чаще русское *кубарем* выступает при глаголе *скатиться*, который в этом контексте акцентирует ненамеренность и фактически обозначает особый тип падения¹².

В шугнанском языке есть специальное выражение *ole sittow*. По [Карамшоеву 1988 т. 2: 237], идеофон *ole-ole* значит ‘кубарем’, но в современном языке это междометное наречие почти исчезло. Правда, засвидетельствовано слово *oleyak* — в частности, его используют, рассказывая о том, как переворачивается младенец (ср. русское *он-ля!*). Глагол *sittow* имеет значение ‘идти / стать’. Для *ole sittow* прототипической ситуацией является падение камней с гор, ср. также:

- (42) *đorg-en=en ole sat*
 палка-PL=3PL кубарем стать.PST.PL
 ‘Дрова покатались’.

¹² Точно так же, особый тип падения безусловно представляют собой кружащиеся в воздухе листья: как видим, пересечение между зоной вращения и падения не случайно и достаточно существенно.

3.2. «Рефлексивное движение»

Особая геометрия падения объекта свойственна и так называемой «ситуации рефлексивного движения», когда сам он остается неподвижен, а перемещаются только его части — все или некоторые.

К рефлексивному падению можно отнести такое быстрое и резкое падение, обычное следствие которого в том, что предмет разваливается на части, ср. рус. *рухнуть*. В шугнанском оно обозначается глаголом *nixix̄tow*.

В соответствующей ситуации этот глагол применим к дому, стене, камням, мосту и под. Со всеми этими объектами (в зависимости от контекстной ситуации) возможен еще и *wēxtow*. Кроме того, уже как единственно возможный, *nixix̄t* описывает падение / разрушение дорог, лавин, стопок матрасов¹³ и даже стопок книг. С ними глагол *wēxtow* не употребляется, поскольку они не подпадают ни под прототип падения с высоты (ср. мост, который попадает в зону вариативности *nixix̄tow* / *wēxtow*), ни под прототип вертикального падения (как дом, стена — они тоже в зоне вариативности). Ср.:

- (43) *yā yed lap kīnā vad xu wazmin*
 DEM:DIST:F:SG мост очень старый быть:F:PST и тяжелый
mošin yam-ti naǰǰī-d xu yā
 машина DEM:SPKR:SG-SUP.ES переходить-PST и DEM:DIST:F:SG
wēxt
 упасть:PST

‘Мост был очень старый и рухнул, когда проехала тяжелая машина’.

- (44) *yu čīd / burǰ / ya yed piǰid*
 DEM:DIST:M:SG дом / стена / DEM:DIST:F:SG мост гореть:PST
xu nixix̄t
 и рухнуть:PST:M / рухнуть:PST:F

‘Дом / стена / мост загорелся и рухнул’. (в контексте землетрясения)

¹³ Надо признаться, что «стопка» в данном случае не вполне удачный термин. Лучше было бы сказать *гора* или *груда*, потому что в высоту эти матрасы, сложенные в шугнанском доме в специальной комнате и предназначенные как для хозяев и всех родственников, так и для гостей, могут достигать почти человеческого роста. Однако матрасы никогда не сваливают в кучу, они всегда сложены очень аккуратно, как бумаги в стопку.

- (45) *yu* *bīrej* *nixuǔt* / **wěǔt*
 DEM:DIST:M:SG постель рухнуть:PST:M
 ‘Сторка матрасов рухнула’.
- (46) *kū* / *bar* *nixuǔt*
 гора обрыв рухнуть:PST:M
 ‘Гора / обрыв обвалилась’.
- (47) *yā* *sēr* *nixaǔt*
 DEM:DIST:F:SG умолот (на току) рухнуть:PST:F
 ‘Та <гора> обмолоченного и провеянного зерна (ссыпанного горой = ‘умолот’) развалилась’.

Метафорически глагол *nixuǔtow* описывает, как «разваливается» сыр / творог (не собирается в твердое тело, а распадается на части):

- (48) *tu* *đūγ* *nixaǔt*
 1SG:OVL пахтанье рухнуть:PST:F
 ‘У меня творог развалился’.

Примечание

[Карамшоев 1988, т. 2: 314] дает еще одно значение *nixuǔtow*: ‘спуститься (о людях) с горы пешком’ и приводит следующий пример:

- (49) *mardum* *fukaθ* *as* *baroyi* *vidīrm* *nixuxt* *ar*
 люди все ELAT для веник рухнуть:PST:M SUB
Soxčārv
 Сохчарв

‘Все <люди> спустились в Сохчарв за веником’.

Между тем не все современные говорящие подтверждают такого рода употребления *nixuǔtow*. Некоторые согласны принять этот пример исключительно как ироничный: дикорастущий веник (некоторое специальное растение) раньше можно было найти везде, потому что в быту такой веник необходим, люди даже сажали это растение во дворе — а тут они вдруг все спустились из-за какого-то веника в Сохчарв (возможный русский аналог, тоже с оттенком иронии: *все повалили в Сохчарв за вениками*).

В нейтральном контексте со значением ‘спуститься’ используется другой глагол, *xāvdow* ‘спуститься’ или *yatow* ‘прийти’, одинаково применимые и к людям, и к животным:

- (50) *yā žow az pux̄tā xāvd / yat*
 DEM:DIST:F:SG корова ELAT холм спуститься:PST

‘Корова спустилась с горы’.

- (51) *māš=am ar tagov xāvd*
 1SG=1SG SUB вниз спуститься:PST

‘Мы спустились вниз’.

Что касается *nixūxtow*, то для значения, близкого к ‘спуститься / опуститься’ уверенно можно говорить только о вторичных, *метафорических* употреблении этого глагола:

- (52) *balo māš tora nixūxt*
 беда 1SG:OBL макушка рухнуть:PST:M

‘Беда свалилась на нашу голову’.

- (53) *wāđ=en māš tora nixāxt*
 DEM:DIST:PL=3PL 1SG:OBL макушка рухнуть:PST:PL

‘Они свалились на нашу голову’.

3.3. Отделение частей

Продолжая разговор об отпадении частей, остановимся на отделении части объекта, сопровождающейся ее падением вниз: так, например, может упасть колесо во время движения машины. В шугнанском эта ситуация не описывается общим глаголом *wéxtow*, для нее требуется особый глагол — *zibidow* с исходным значением ‘прыгнуть’ (54), ср. русское *от- / соскакивать*:

- (54) *yu mis ar xac zibud*
 DEM:DIST:M:SG тоже SUB вода прыгнуть:PST

‘Он тоже прыгнул в воду’.

- (55) *tu velik balūn zibud*
 1SG:OBL велик колесо прыгнуть:PST

‘У моего велосипеда отскочило колесо’. (букв.: ‘отпрыгнуло’)

Ср. также примеры из [Карамшоев 1988, т. 2: 451]:

- (56) *wam būt poḥna zibud*
 3SG:F:OBL ботинок каблук прыгнуть:PST

‘У ее ботинка отлетел каблук’.

- (57) *mi čillā=nd=tā kam kûvā nāla zibin-t*
 1SG:OVL перстень=LOC=FUT вот здесь вдоль QUOT прыгать:NPST-3SG
 ‘Говорят, что стержень на моем перстне отвалится’.

Во всех приведенных примерах фигурируют части¹⁴, однако и ситуация отскочившей подковы у лошади, и отлетевшей пуговицы, и соскочившей с петель двери, которые выходят за пределы отношения часть — целое, допускают *zibidow* — наряду с наиболее общим (доминантным) глаголом падения *wéĭt*. В то же время такие ситуации, как падение лошади с обрыва или полотенца с веревки (если оно там сохло), исключают *zibidow* и требуют только глагола *wéĭtow*.

По-видимому, прототипически «отскакивают» (*zibidow*) действительно прежде всего части целого или похожие на них независимые (как подкова и лошадь), но функционально тесно и достаточно постоянно связанные с «целым» объекты (в нашей терминологии, «дополнители», см. [Рахилина 2000]). Мгновенное неконтролируемое нарушение *временной* пространственной связи между объектами (такой, которая возникает, например, у обрыва и лошади) описывается дефолтным глаголом *wéĭtow*, а не более специальным *zibidow*. Ср. пример неконтролируемого движения человека, именно с глаголом *zibidow*:

- (59) *az xu ĵoy=ti=yum zibud*
 ELAT REFL место=SUP:ES=1SG прыгнуть:PST:M
 ‘Я вскочил (более буквально, видимо, *соскочил*) с места (чаще всего от испуга, от неожиданности)’.

Однако если в ситуации открепления (так же как и в любой другой ситуации падения) конечная точка оказывается по какой-то причине более значима, чем начальная, используется еще один глагол поля падения, *ġédow*, о котором речь пойдет в следующем разделе.

¹⁴ Интересно, что точно так же, как прототипические части, в шугнанском себя ведут брызги: если в реку бросить камень, то брызги как бы отскакивают (*zibud*) от «цельной» поверхности воды. Сюда же относятся капли-слезы (ср. рус. *брызнули слезы*), ср. следующий пример из [Карамшов 1988, т. 1: 549]:

- (58) *aĵûn ku čis dam markāb yūĭk-en=en*
 дорогой PTCL смотри DEM:ADDR:F:SG:OBL осел слеза-PL=3PL
zibad=o?
 прыгать:NPST=Q?
 ‘Дорогой, взгляни-ка, капают ли у осла слезы?’

4. Значимость конечной точки

Глагол *ḏēdow* (с основой настоящего времени *ḏi* и прошедшего *ḏod*), о котором пойдет речь в этом разделе, имеет значение ‘стучать’ — например, ‘стучать в дверь’, или ‘ударить’ — например, ‘ударить кого-то’:

- (60) *pi divi=yen taq-taq ḏod*
 SUP дверь=3PL IDEOPH ударить:PST
 ‘В дверь постучались’.

- (61) *wuz=um divi yet čūd, wi=yum*
 1SG.NOM=1SG дверь свободный делать:PST DEM:DIST:M:SG:OBL=1SG
na-wīnt xu divi qati=yum wi ḏod
 NEG-видеть:PST и дверь COMIT=1SG DEM:DIST:M:SG:OBL ударить:PST
 ‘Когда я открывал дверь, я не увидел его и ударил его дверью’.

- (62) *yu qār-and yat xu bād=i mut*
 DEM:DIST:M:SG гнев-LOC приходить:PST и потом=3SG кулак
wi ḏod
 DEM:DIST:M:SG:OBL ударить:PST
 ‘Он в гневе пришел и ударил его кулаком’.

В то же время этот глагол можно считать принадлежащим полю падения. Действительно, именно *ḏēdow* используется в шугнанском для обозначения падения осадков, и, по понятным причинам, это самое частотное его употребление. Вообще говоря, переход из зоны удара в зону падения можно трактовать как исходно метонимический, основывающийся на смежности ситуаций: например, падение капель дождя всегда связано со звуком удара — как если бы дождь бил или стучал по поверхности, но в современном шугнанском этот сдвиг давно уже лексикализован:

- (63) *borūn ḏod*
 дождь ударить / упасть:PST
 ‘Шел дождь’.

Другая область семантической смежности для удара и падения возникает не на базе результирующего звукового эффекта падения (сопровождающего зрительный), который совпадает со звуком удара, а на базе совпадения физиологического ощущения (боли) при восприятии человеком удара о внешний объект или при падении такого объекта

на человека. В обоих случаях возможен *ḍēdow*, с некоторой разницей в моделях управления, ср.:

- (64a) *mi kāl pi žīr-and ḍod*
 1SG:OBL голова SUP камень-LOC ударить:PST
 ‘Я ударился головой об камень’.

- (64б) *žīr mi kāl-ti ḍod*
 камень 1SG:OBL голова-SUP:ES ударить:PST
 ‘Камень упал мне на голову’.

Между тем в значении падения *ḍēdow* используется гораздо шире, чем только для выпадения осадков. Этот глагол можно встретить и в самых обычных прототипических контекстах падения с приподнятой поверхности, таких как: *ребенок упал с крыши, козленок упал с горы* (ср. пример (64)), где он, по свидетельству носителей языка, может конкурировать с глаголом *wēxtow*.

- (65) *kirpīč mi kāl-ti ḍod*
 кирпич 1SG:OBL голова-SUP:ES ударить:PST
 ‘Кирпич упал мне на голову’.

Конкуренция *ḍēdow* / *wēxtow* не свободная, выбор между ними семантически мотивирован и связан с идеей выделенности конечной точки падения или акцента на среду, в которой в результате оказывается объект. Профилирование **конечной точки** / **среды** задается глаголом *ḍēdow*; *wēxtow* в этом отношении более нейтрален, но, как мы увидим из примеров, склонен к выделению начальной точки падения. Поэтому именно *ḍēdow* используется для обозначения таких ситуаций, как: ‘проваливаться в снег’, ‘окупаться в воду’, ‘падать в ущелье’, ср.:

- (66a) *ar žiniĵ=um ḍod*
 SUB снег=1SG ударить:PST
 ‘Я свалился в снег’.

- (66б) *ar xac=um ḍod*
 SUB вода=1SG ударить:PST
 ‘Я упал(а) в воду’.

- (66в) *ar darā=yum ḍod*
 SUB ущелье=1SG ударять:PST
 ‘Я упал(а) в ущелье’.

При этом глагол *ǰédow* предпочитает предлог *ar* ‘вниз’; глагол *wěx-ǰow* — предлог *az* ‘сверху’. В случае если сами контексты специально акцентирует начальную или конечную точку, семантическое распределение в них *wěxǰow* / *ǰédow* подтверждается:

- (67) *tu wiǰǰǰ-en=en az tu ǰebak-ard wěxǰ*
 1SG:OBL ключ-PL=3PL ELAT 1SG:OBL карман-LAT упасть:PST
 ‘У меня ключи из кармана выпали’.

- (68) *tu wiǰǰǰ-en=en zimāǰ-ard ǰod*
 1SG:OBL ключ-PL=3PL земля-LAT упасть:PST
 ‘У меня ключи на землю упали’.

Дополнительным аргументом в пользу такого распределения служит то, что *ǰédow* (но не *wěxǰow*) используется для выражения ситуации, так сказать, контактного падения, когда эксплицируется точка результирующего контакта упавшего объекта и поверхности, на которую он упал, что особенно важно в отношении живых существ, ср.: *упал на колени, на спину, на бок* и др.

- (69) *wi kāl=i něǰd xu*
 DEM:DIST:M:SG:OBL голова=3SG кружиться:PST и
*yu čǰ dām / qǰč ǰod / *wěxǰ*
 DEM:DIST:M:SG CONT спина / живот упасть:PST
 ‘У него голова закружилась, и он упал на спину (на живот)’.

- (70) *yā mošǰin=i pi žǰr-and ǰukt*
 DEM:DIST:F:SG машина=3SG SUP камень-LOC ударять:PST
*xu čǰ pāli ǰod / *wěxǰ*¹⁵
 и CONT бок ударить:PST
 ‘Машина врезалась в камень и упала на бок’.

- (71) *yu lap mot su-t xu čǰ zǰn*
 DEM:DIST:M:SG очень утомление стать.М-PST и CONT колено
*ǰod / *wěxǰ*
 ударить:PST
 ‘Он очень устал и упал на колени’.

¹⁵ Обратим внимание, что в этом контексте можно употребить и глагол *gǰǰǰow*, исходно, вращения (см. 1.2): ведь упав, машина перевернулась.

Таким образом, если мы хотим просто констатировать, что человек или неодушевленный предмет упал, то в этом случае всегда используется глагол *wéxtow*, но если упоминается часть тела или предмета как место его контакта с поверхностью, представляющей нижний предел движения, то нужен глагол *ǰédow*.

Еще одна характерная (и вполне предсказуемая) группа употреблений *ǰédow* может быть аналогом русского ‘расшибиться’: ‘упасть вниз с высоты с серьезными повреждениями’. Соответственно, наиболее естественные примеры экспертов касаются детей и детенышей — ср. ‘ребенок упал с крыши’ (из специального отверстия в крыше, это часто бывает в быту шугнанцев ввиду конструктивных особенностей их домов), ‘козленок свалился с горы’, и под.

(72) *yā* *yāc* *ar* *rūz* *ǰod*
 DEM:DIST:F:SG девочка SUB отверстие в крыше дома ударить:PST
 ‘Девочка упала из отверстия в крыше дома’.

(73) *yu* *vorǰ* *ar* *darā* *ǰod*
 DEM:DIST:M:SG конь SUB ущелье ударить:PST
 ‘Тот конь сорвался вниз с обрыва’.

(74) *wi* *pic* *ar* *tāx* *ǰod*
 DEM:DIST:M:SG:OBL сын SUB скала ударить:PST
 ‘Его сын сорвался со скалы’.

Среди артефактов ярким аналогом этой ситуации является ‘разбиться’ — о посуде, которая тоже требует глагола *ǰédow*, в отличие от падения вниз камня, для которого прототипическим оказывается не *ǰédow*, а *wéxtow*.

Все описанные ситуации, в которых выбор делается в пользу *ǰédow*, а не *wéxtow*, характеризует специальное внимание к результирующей ситуации, которая сопровождается:

- звуком (‘осадки’);
- значимым или наблюдаемым результатом удара-падения (‘расшибся / ощутил боль’);
- выделенным местом падения (‘в воду’);
- или части объекта, которая соприкасается с этим местом (‘<упал> на колени’).

Значимость *ǰédow* для зоны падения подтверждается тем, что именно этот глагол, в сочетании компонентом *čuk*, участвует в образо-

вании сложного глагола падения *čuk dēdow*, с достаточно узким и с семантической точки зрения действительно сложным значением падения частей (или целого объекта по частям) ‘(про)валиться, (об)рушиться; упасть внутрь’, см. [Карамшоев 1988, т. 3: 388] Семантика падения частей (проваливание) не покрывается стандартным *wéxtow*, так что пересечение с этим глаголом здесь периферийно.

- (75) *čīd dišīd čuk dōd*
 дом потолок обвалиться:PST
 ‘Потолок дома провалился’.

(Ср. также: *qābar čuk dōd* ‘могила (= традиционная для шугнанцев надгробная плита) провалилась’; *purxi čuk dōd* ‘кизьяк (в очаге) провалился’).

- (76) *be sitan-aθ=tā yijīd čuk dē-d*
 без столб-ADV=FUT хлев обвалиться:NPST-3SG
 ‘Без столба хлев рухнет’. (Карамшоев 1988, т. 3: 388)

По-видимому, именно присутствие формы *dōd*, в составе *čuk dēdow* придает оттенок результативности всей ситуации — за счет акцента на конечной точке падения.

Заметим, что метафорические употребления *dēdow* также профилируют конечную точку: метафорически *dēdow* приобретает значение неконтролируемого и неожиданного контакта со средой или объектом, ср. ‘попасть’ (77)–(78) или наткнуться (79):

- (77) *wūrj pi mol-and dōd*
 волк SUP стадо-LOC ударить:PST
 ‘Волк попал в стадо’.
- (78) *xāt tar mu dūst dōd*
 письмо EQ 1SG:OBL рука ударить:PST
 ‘Письмо попало мне в руки’.
- (79) *yu pi mu=ndi dōd*
 DEM:DIST:M:SG SUP 1SG:OBL=LOC ударить:PST
 ‘Он наткнулся на меня’.

Ср. также любопытные фразеологизации с этим глаголом: *rux dōd* ‘наступило утро’ (букв.: ‘свет выпал’) или (с полностью противоположным значением):

- (80) *xīr ar ku / abri ḏod*
 солнце SUB гора / туча ударить:PST
 ‘Солнце зашло’.

Помимо этого, у глагола *ḏēdow* засвидетельствована хорошо известная метафора ‘пасть в состояние’. Существенно, что в шугнанском она выводится (как того и требует в данном случае последовательный семантический переход) из фрейма, который соответствует глаголу падения (а не удара). Этот фрейм профилирует конечную точку падения, которая легко метафоризируется в конечное состояние субъекта:

- (81) *tar xīḏm ḏē-dow*
 EQ сон ударить-INF
 ‘Заснуть’.

- (82) *fānd ḏē-dow*
 обман ударить-INF
 ‘Обмануть’.

Ср. также другие подобные сложные глаголы с именной частью: *gāp* (‘слово’) *ḏēdow* ‘говорить’, букв.: ‘падать в слово’; *ḏar* (‘далеко’) *ḏēdow* ‘удаляться’, букв.: ‘падать в даль’; *sawol* (‘вопрос’) *ḏēdow* ‘спрашивать’, букв.: ‘падать в вопрос’; *yalṭ* (‘кувырок’) *ḏēdow* ‘кувыркаться’, букв.: ‘падать в кувырок’, *dārḏ* *ḏēdow* ‘заболеть’ (о каком-то органе или части тела), букв.: ‘падать в боль’ и т. д.¹⁶ Интересно, что составной глагол *čuk ḏēdow* тоже метафоризируется, причем по стандартной дейктической модели, когда отрицательные события падают на говорящего-наблюдателя. Для глаголов с семантикой ‘провалиться’, которую передает этот глагольный комплекс в целом, такой перенос не типичен. Однако для глагола с акцентом на конечной точке — которым является *ḏēdow* как «несущий» элемент в этой конструкции, — этот сдвиг вполне естествен (подробнее см. вводную статью к настоящему сборнику):

¹⁶ Интересен случай некомпозициональной метафоры (уже устаревшей) с участием *ḏod*, которая возникает при метафоризации конструкции в целом, а не только одного глагола, ср.:

- (84) *bīw at ḏod ar lo*
 рыдать и ударить:PST SUB грязь
 букв.: ‘С рыданием упала в грязь’ — использовалось для выражения состояния, когда, что называется, «на душе погано».

- (83) *balo* / *q̄nigari* *mi* *tora* *čuk* *đod*
 беда трудность 1SG:OVL на валиться:PST
 ‘Беда/трудности обрушилась/ись на меня’.

5. Итоги

Структура поля падения в шугнанском представляет несомненный теоретический интерес. Дело в том, что в нем действительно, как мы и полагали в начале исследования, параллельно с другими предикатами, действует достаточно сильный глагол *wéxt* ‘падать’, с широкой семантикой. Такая конфигурация поля достаточно распространена — в частности, так устроено поле падения в русском языке. Однако шугнанское поле обладает гораздо более мощной периферией, чем русское.

В русском (как это часто бывает) наряду с доминантным *падать* / *упасть* в поле присутствуют узко специальные глаголы типа *рухнуть* или *опрокинуться*. Их семантика полностью покрывается значением падения и создает частные противопоставления внутри поля, привнося идею мгновенного перемещения с отделением всех частей объекта, как *рухнуть* / *обрушиться* или движения вертикально ориентированного объекта ввиду внезапной потери устойчивости, как *опрокинуться*. Важно, что такая система нестабильна и меняется в сторону упрощения: глаголы узкой семантики исчезают. Падение частотности хорошо видно на графике НКРЯ для *опрокинуться* или *обрушиться*. Сложнее устроен этот график для *рухнуть*: до 1940 года — ожидаемое падение, а потом внезапный рост. Рост связан с усилением метафорических контекстов типа: *режим* / *государство* / *экономика* / *финансовая система* и особенно — *валюта* (ср. *крона рухнула*). Фактически этот глагол тоже постепенно покидает поле падения: из конкретного предиката, который обозначает физическое движение, он постепенно становится абстрактным. Эту метаморфозу претерпел в свое время главный глагол поля — двувидовой *пасть*, который остался в русском языке исключительно в виде фиксированных и стилистически маркированных фразем, как *пал на колени*, *пал ниц*, и метафор: *низко пал*, *пал в бою* и под. Его заместил глагол *падать* и в совершенном виде — приставочный дериват *упасть* [Плунгян 2017].

На этих примерах видно, как дробная система постепенно стремится к более простой доминантной за счет редукции «малых»

глаголов. В основном мы в своей практике сталкивались именно с такими системами.

В шугнанском тоже есть такие «малые» глаголы — к ним можно отнести *nixix̄tow* ‘разваливаться’, *ole sittow* ‘падать кубарем’ и *čuk đə̀dow* ‘резко обрушиться’. Они имеют очень узкую сочетаемость и в принципе, видимо, обречены на исчезновение. Этим объясняется их отсутствие в нашем первоначальном материале. Однако в остальном конкуренцию доминантному *wə̀xtow* составляют полноценные частотные лексемы: именно они создают в шугнанском семантическое разнообразие поля падения.

Особенным для шугнанского оказывается устройство зоны падения вертикальных объектов — лексически выделены в нем (и не конкурируют с доминантным *wə̀xtow*) только два довольно периферийных фрейма: полные контейнеры и вывороченные с корнем деревья. (В силу своей периферийности, они вначале и ускользнули от нашего внимания). В то же время, маркером для них выступает глагол *gā̀xtow*, который обозначает в шугнанском все повороты и перевороты, а следовательно, имеет большой круг употреблений далеко за пределами поля падения. Такой предикат, конечно, совершенно не склонен к исчезновению из языка. Теоретически, он мог бы постепенно «захватывать» все большую семантическую территорию, «вбирая», например, контексты падения человека и сужая применимость *wə̀xtow*. Такое развитие усиливало бы дистрибутивность системы. В реальном шугнанском ситуация, по-видимому, иная — система упрощается, и в следующем поколении говорящих заметна экспансия и доминантность *wə̀xtow* в зоне вертикально ориентированных объектов.

Еще одна нетривиальная семантическая область — падение закрепленных объектов, то есть падение как открепление. Ее тоже интересно сравнить с русским: и в русском, и в шугнанском такой тип падения маркируется лексикой поля со значением ‘прыгать’. Таким образом, для обоих языков это значение оказывается пограничным полю падения. Однако в русском в зону падения проникает второстепенный для современного языка глагол прыгания с корнем *скок- отскочить* (основным в этом поле является совсем другой глагол — *прыгать*), тогда как шугнанское *zibidow* — стандартный предикат для прыжков самого разного свойства. В то же время, в русском доминантный глагол *упасть / падать* практически невозможен ни для какого контекста этой зоны, тогда как в шугнанском *wə̀xtow* повсеместно конкурирует с *zibidow*, за исключением отпадения / открепления частей целого. Понятно, что

с точки зрения (исходной) прикрепленности одного объекта к другому это и есть самые центральные контексты, но, по понятным причинам, части и целые отделяются друг от друга гораздо реже других пар, состоящих из временно сопряженных между собой объектов. Поэтому с точки зрения ситуации падения (от)падающие части как раз являются сугубой периферией (и снова — именно по этой причине могут не попасться на глаза исследователю).

Наконец, последний, самый главный игрок на периферии поля падения — *ḍêdow* с прототипическим значением ‘ударять, стучать’. Он обслуживает самую идиоматичную зону падения — осадки. Эта зона обычно заполняется какой-то специально предназначенной для нее застывшей метафорой, как в русском — *дождь / снег идет*. Поэтому естественно, что на начальном этапе нам показалось, что и здесь прошла простая метафоризация, ср. русск. *дождь стучал по крыше*, и мы не считали этот глагол значимым.

На деле, глагол *ḍêdow* как глагол падения оказался много шире, чем результат метонимического переноса со звука падающих капель на ситуацию выпадения осадков целиком. Он работает и в основной части поля, составляя существенную конкуренцию доминантному *wêxtow*, и покрывает очень значимую с семантической точки зрения область результативного падения. Понятно, что акцент результат падения может быть совмещен с ударом (эта метонимия и есть семантический источник присутствия *ḍêdow* в «чужом» поле). Однако ситуация в шугнанском такова, что независимо от удара / звука удара при указании результирующей точки падения выбирается *ḍêdow*, а не *wêxtow*. Можно с уверенностью прогнозировать, что *ḍêdow* не исчезнет как глагол падения в ближайшее время, так что поле удара останется пограничным для поля падения.

Как видим, шугнанская система, о нестабильности которой мы говорили в начале, как и русская, тоже обнаруживает динамику, хотя и несколько иного рода. Она обогатилась почти исключительно за счет внедрения когнитивно смежных полей: это поля вращения, прыгания и стука / удара. Понятно, что их смежность с падением семантически нагружена, и так или иначе будет проявляться и в других языках, но обнаружить ее «лексические следы» можно, только зная заранее о ее существовании и о том, в каких точно контекстах ее нужно искать. Так, в русском мы действительно говорим *дождь / град стучит* (а не: **падает*), *деревья выворачивает с корнем от сильного ветра* (а не: **деревья падают с корнем от сильного ветра*) или: *ножка стула отскочила*

(а не: *унала). Поиск аналогов в других языках был бы здесь очень показателен.

Список условных сокращений

- — граница морфем; = — клитика; =и — аддитивная клитика; 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ADV — наречие; COMIT — комитатив; CONT — предлог со значением ‘опора на части тела’; DEM:ADDR — указательное местоимение со степенью удаления ‘у слушающего’; DEM:DIST — указательное местоимение со степенью удаления ‘вдали’; DEM:SPKR — указательное местоимение со степенью удаления ‘у говорящего’; ELAT — элатив; EQ — предлог со значением ‘на одном уровне’; F — женский род; FUT — будущее время; GOAL — предлог со значением ‘цель’; IDEORN — междометие; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; LAT — латив; LIM — предлог со значением ‘до некоторого предела’; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — именительный падеж; NPST — не-прошедшее время; OBL — косвенный падеж; PF — перфект; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCL — частица; Q — вопросительная клитика; QOUT — цитатив; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUB — предлог со значением ‘движение в, вниз’; SUP — предлог со значением ‘на поверхности’; SUP:ES — суперэссив.

Литература

- Зарубин 1960 — И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- Карамшоев 1988 — Д. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. М.: Наука. Тома 1–3. 1988.
- Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. Коми язык и лексическая типология: глаголы падежня // Р. П. Попова (ред.). Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 86–94.
- Круглякова 2010 — В. А. Круглякова. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Российский гос. гуманитарн. ун-т, 2010.
- Плунгян 2017 — В. А. Плунгян. К списку двувидовых глаголов в русском языке: история *насть* // R. Benacchio, A. Muro, & S. Slavkova (eds.). The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization. Firenze: Firenze University Press. 2017. С. 167–182.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
- Reznikova et al. 2012 — T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, A. A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates // Linguistics. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 421–465.

References

- Karamshoev 1988 — D. Karamshoev. Shugnansko-russkiy slovar [Shughni-Russian Dictionary]. Moscow: Nauka. Vol. 1–3. 1988.
- Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. Komi yazyk i leksicheskaya tipologiya: glagoly padeniya [The Komi language and lexical typology: verbs of falling]. R. Popova (ed.). *Permistika-16: Dialekty i istoriya permskih yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami* [Dialects and history of Perm languages in contact with other languages]. Syktyvkar: Syktyvkar State University named Pitirima Sorokina, 2017. P. 86–94.
- Kruglyakova 2010 — V. A. Kruglyakova. Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoy perspektive [Semantics of verbs of rotation in the typological perspective]. PhD dissertation. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010.
- Plungyan 2017 — V. A. Plungyan. K spisku dvouidovyyh glagolov v russkom yazyke: istoriya *past'* [To the list of biaspectual verbs in Russian: the history of past']. R. Benacchio, A. Muro, & S. Slavkova (eds.). *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization*. Firenze: Firenze University Press, 2017. C. 167–182.
- Rakhilina 2000 — E. V. Rakhilina. Kognitivnyy analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost [Cognitive analysis of subject names: semantics and combinability]. Moscow: Russkie slovari, 2000.
- Reznikova et al. 2012 — T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, A. A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 421–465.
- Zarubin 1960 — I. I. Zarubin. Shugnanskie teksty i slovar [Shughni texts and dictionary]. Moscow; Leningrad: Academy of Science of the USSR, 1960.